

УДК 94(476)"1939/1941"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-61-64

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ В 1939–1941 ГГ.****А.А. МОРДВИЛКО***(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)**e-mail: nastyaln@yandex.by*

В данной статье охарактеризована кадровая политика советской власти в 1939–1941 гг. в западных областях Беларуси. Выявлены цели, принципы и направления работы советской власти в области кадрового обеспечения. Определены механизмы рекрутирования советской номенклатуры в регионе, прослежены попытки реорганизации направлений кадровой политики. Установлены факторы, повлиявшие на принятие решений по её изменению в сторону коренизации. Проанализирован количественный и качественный состав восточников и местных кадров.

Ключевые слова: кадровая политика, Западная Беларусь, восточники, выдвиженцы, кадровое обеспечение, трудовые миграции.

Введение. Развитие западнобелорусского региона в 1939–1941 гг. активно обсуждается в современной исторической науке. Многочисленные сложные процессы этого периода исследуются учеными как отдельные взаимосвязанные элементы, которые требуют комплексного изучения. Так, например, проблему советизации региона невозможно изучать в отрыве от кадровой политики советской власти. Вопросу советизации западных областей Беларуси посвящен ряд работ, которые рассматривают этот процесс с точки зрения национального, социального-экономического аспектов. Однако, ядром советизации является кадровая политика, без ее детального рассмотрения невозможен достоверный анализ процесса установления и закрепления советской власти в регионе.

После сентября 1939 г. западные области Беларуси оказались в совершенно новых социально-политических и экономических условиях. Старый управленческий аппарат оказался либо в эмиграции, либо репрессирован. В этой связи, слой правящей элиты необходимо было выстраивать заново, не имея, по сути, никакой преемственности. В этом состоит особенность положения западнобелорусского региона – здесь не было постепенного, «слоистого» становления правящих элит, трансформации их из старого управленческого аппарата. Этот процесс был запущен сверху и шел форсированными темпами. Помимо формирования местного партийного аппарата, страты управленцев, необходимо было обеспечить новый регион и надежной рабочей силой, особенно в стратегически важных областях – железная дорога, органы правопорядка, образование, идеология, и т.д.

Источниками для рекрутирования выступили две категории – переселенцы с восточной части Беларуси, а также из других регионов СССР, для которых стали применять термин «восточники»; и местное население, так называемые «выдвиженцы». Первая категория являлась результатом трудовой миграции, которая с приходом советской власти изменила направление. В период нахождения в Польском государстве распространённой была именно эмиграция рабочей силы, в основном в страны Латинской Америки, США, Европы [1]. С 1939 г. геополитическое положение изменилось – эмиграция по указанным направлениям стала невозможна по очевидным причинам, однако, как вид миграции, сохранилась. Жители Западной Беларуси выезжали вглубь СССР, пусть и не в таких масштабах как ранее в западные страны. На ряду с этим значительно возросла трудовая иммиграция, проявившая себя, как уже было отмечено выше, в прибытии «восточников».

Вторая категория, активно заполнявшая новые и освободившиеся рабочие места – местное население – являлась тоже достаточно многочисленной. Сегодня в исторической науке вектор внимания в большей степени сосредоточен именно на восточниках – изменении их социально-экономического положения, отношении с местным населением и т.д. [2; 3] Однако анализируя исторические документы, можно прийти к выводу, что местное население ничуть не оставалось в стороне от кадровой политики советской власти. Наоборот, во многих документах прослеживается тенденция к коренизации, призывы к более активному привлечению местных кадров [4].

Основными источниками данной публикации являются советские делопроизводительные документы из фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Брестской области (ГАБО), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Цель статьи – выявление целей и принципов кадровой политики советской власти в западнобелорусском регионе в 1939–1941 гг.

Основная часть. Кадровая политика советской власти, направленная на закрытие вакантных мест путем переселения, в 1939 г. не являлась новаторской. В 1920-е – 1930-е гг. трудовая миграция в СССР была распространённым явлением, существовали переселенческие органы, формировались льготы, которые становились важным стимулом переселенческого движения. К 1939 г. был сформирован отлаженный механизм трудовой миграции, после похода Красной армии в сентябре 1939 г. такая миграционная политика распространяется и на Западную Беларусь.

Первые восточники начали прибывать в западнобелорусский регион осенью 1939 г. В первую очередь, это были кадры для формирования управленческой элиты, органов НКВД, милиции. Они постепенно заменяли собой представителей Красной армии, многие из которых вошли в состав Временного управления в сентябре 1939 г.

Въезд восточников осуществлялся по специальным пропускам, формировались списки необходимых кадров, которые должны были проходить установленную процедуру проверки [5, л. 55]. В большинстве случаев восточников направляли организации – приезд осуществлялся по партийной линии (направляющие организации – ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМ, СНК), по направлению народных комиссариатов (просвещения, здравоохранения, промышленности и т.д.), а также отдельных организаций [6, л. 10]. В первую очередь, восточники прибывали на работу в местные органы власти, НКВД, милицию, в организации здравоохранения, образования. Многие из них занимали руководящие должности. Примечательно, что большинство переходило на более высокие должности, руководящие посты, не имея управленческого опыта. Безусловно, это будет сказываться на качестве работы. Опираясь на архивные данные, можно составить «социальный портрет» восточника. Это мужчина, по национальности белорус или русский (этот показатель колеблется примерно в одинаковых пределах в зависимости от места прибытия), в возрасте от 20 до 40 лет, имеющий среднее образование, партийный либо кандидат в члены партии [7, л. 23]. Для большей наглядности ниже продемонстрированы статистические данные по восточникам, направленным в 1940 г. в западные области.

Таблица 1. – Сведения ЦК КП(б)Б о количестве работников, направленных в западные области БССР, 1940 г.

Отправлено всего	Из них белорусов	Партийность				Парт. работа	Комс. работа	Совет. работа	Хоз.-ко-оперативная работа	НКВД милиция, ж/д
		Член ВКП(б)	Кандидат ВКП (б)	Член ВЛКСМ	Б/п					
16359	6937	7265	2703	4379	2012	2070	793	2568	6498	4430

Источник: [8, л. 36].

Исходя из архивных источников, советская власть подводила промежуточные итоги по прибытию восточников осенью 1940 г. Можно сделать вывод, что к этому времени прибыла основная волна трудовых мигрантов. Далее этот процесс будет продолжен, но его динамика будет снижаться – восточники по-прежнему прибывали, однако не так массово. К 1940 г. более явными станут трудности, возникающие по приезде в регион – нехватка квадратных метров, непростые отношения с местным населением, постепенно ужесточались правила пребывания. Например, к 1940 г. стало гораздо сложнее беспрепятственно вывозить товары за пределы западных областей Беларуси, как это было на протяжении 1939 г [9, л. 21–23]. Первоначальный миграционный подъем, связанный с включением западнобелорусских территорий в состав БССР, стал снижаться. К 1941 г. чаще встречаются случаи, когда восточники выезжали за семьями и не возвращались обратно, уезжали (в документах с формулировкой «бежал») даже не приступив к работе [7, л. 5]. Наряду с этим, к 1940 г. намечается тенденция к переселению семей прибывших работников [10, л. 60]. Это кажется вполне логичным, т.к. к этому времени некоторые из них все-таки успели наладить свой быт, решить вопрос с жильем и были в состоянии перевезти семью.

Самой распространённой проблемой, с которой столкнулись восточники по прибытии, стал именно квартирный вопрос. Новые работники занимали квартиры репрессированного или уехавшего населения, жилищный фонд формировался за счет национализации. Но жилья все равно не хватало, из-за чего возникали конфликты как с местным населением, так и во внутренней среде трудовых мигрантов. Такого рода конфликты можно рассматривать как срез сформировавшейся советской номенклатуры – чаще они возникали между представителями разных структур, например служащими НКВД и гражданскими управленцами [5, л. 46–47].

Проблема взаимоотношений восточников с местным населением представлена рядом исследований в современной историографии [2; 3]. В данной статье нам интересен иной аспект. Отметим лишь, что роль восточников в трансляции советских правил местному населению крайне велика. Они способствовали более быстрой интеграции жителей западных областей в советское общество, поэтому им отводились руководящие посты, работа в наиболее стратегически важных сферах (как с социально-экономической точки зрения, так и идеологической).

Сегодня нет точных данных о количестве восточников, прибывших в Западную Беларусь за период 1939–1941 гг. У нас есть сведения по отдельным областям, городам, уточненные за отдельные периоды. Согласно архивным источникам в 1940 г. в западные области Беларуси было направлено 16 359 человек [8, л. 36]. Однако только в Белостокскую область с сентября 1939 по октябрь 1940 г. прибыло 12 396 восточников [2, с. 50]. С учетом того, что после присоединения к БССР на территории Западной Беларуси были образованы 5 областей (Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская) количество восточников к 1941 г. может достигать нескольких десятков тысяч. 20 июля 1941 г. немецкая администрация в Бресте указывала в своих документах 8000 восточников [11, л. 121]. При этом в советских документах за 1940 г. указано о прибытии в город 1223 человек с восточных областей, в 1941 г. – еще около 450 [12, л. 19–23]. В Пинской области к октябрю 1940 г. работало 1490 восточников [13, л. 87–93]. Польские исследователи называют цифру около 31 тыс. восточников к 1940 г. [2, с. 55]. Мы не можем подтвердить или опровергнуть эту цифру, однако ведем работу по определению наиболее точного количества восточников, основываясь на архивных данных.

К 1940 г. наметилась тенденция к более активному выдвижению местных кадров. Прибывавшие восточники не только не решали кадровые проблемы, но зачастую создавали новые. Нередки случаи, когда уже по их прибытию обнаруживалось, что тот или иной кандидат совершенно непригоден к ожидавшей его работе – не имел компетенций, не соответствовал партийным требованиям, начинал вести аморальный образ жизни, «дискредитируя образ коммуниста» [7, л. 9–12]. Прошлый опыт прибывающих работников часто вскрывался уже по приезде,

после его назначения на должность. Например, в Пинской области на должность прокурора по кадрам был назначен человек, оказавшийся впоследствии осужденным, бежавшим из мест лишения свободы [7, л. 7–8]. Такие ситуации создавали дополнительные трудности – частая смена кадров не способствовала нормальной работе организаций, с учетом того, что приходилось перестраивать работу по новым правилам. Неподходящих работников увольняли, пытались заменить вновь прибывшими более квалифицированными кадрами, однако результат был минимальным. Так, осенью 1940 г. в Пинской области из заявленных 54 врачей прибыло только 2 человека [13, л. 95]. В феврале 1940 г. проблема нехватки кадров в Западной Беларуси решалась на высоком уровне: П. Пономоренко поручил обкомам КП(б)Б восточных областей отобрать 1708 человек партийных, советских и хозяйственных работников для работы в западных областях Беларуси [14, л. 22].

К 1941 г. кадровый голод будет ощущаться наиболее остро. Например, в той же Пинской области в 1941 г. ключевые должности областного суда и управления юстиции оставались вакантными – прибывавшие восточники «по деловым и политическим качествам» не могли работать в суде [7, л. 5]. За период второй половины 1940–1941 г. из западнобелорусских областей постоянно поступали сообщения о нехватке кадров. Наиболее остро эта ситуация стояла в органах НКВД, прокуратуры, во всех областях не хватало политруков, пропагандистов, а также оперативных уполномоченных, старших госавтоинспекторов и т.д. [15, л. 9–10]. Также приоритетными были сферы образования, здравоохранения, железная дорога. Для примера, в Брестском районе управленческие должности в области здравоохранения занимали люди без медицинского образования, на что неоднократно жаловались местные власти [16, л. 25; 17, л. 78–19].

На этом фоне кадровая политика, направленная на выдвижение местного населения, представляется вполне обоснованной и результативной. К 1940 г. советской властью в этом вопросе были поставлены четкие задачи: разборчиво выдвигать местные кадры; проводить коренизацию – активнее принимать на работу белорусов, но при этом вводить относительный процент поляков и евреев; задействовать в работе женщин (не менее 30% кадрового состава); проводить доскональную проверку родственных связей (принадлежность к социальному классу, наличие родственников за границей) [18, л. 34]. Относительно последнего пункта также можно наблюдать изменение политики советской власти – с течением времени она становилась более гибкой. Так, к концу 1940 г. поступали рекомендации брать человека на работу, в том числе на руководящие посты, даже если кто-либо из родственников находился в плену в Германии (речь шла именно о рядовых солдатах, опасность по мнению советских властей, представляли польские офицеры). Представить такой вариант осенью 1939 г. было сложно – требовались кандидатам были более строгие, любое наличие родственников за границей расценивалось как причина в отказе при принятии на партийную работу [5, л. 20–22]. Примечательно, что после 1940 г. отбор местного населения по национальному составу проводился с учетом специфики регионов – например, если среди населения преобладали поляки, рекомендовалось на руководящие посты брать именно поляков. С учетом того, что западные области Беларуси отличались многонациональностью, можно было встретить такую расстановку кадров по национальному составу: директор польской школы – белорус, завуч – русский, пионервожатый – еврей [14, л. 84].

Таблица 2. – Сведения о гендерном и национальном составе местных кадров («выдвиженцев») по Пинской области, октябрь 1940 г. [4, л. 71–73].

Всего	Пол		Национальность				
	Муж.	Жен.	Бел.	Еврей	Русс.	Поляки	Прочие
7423	5443	1989	3871	1870	862	708	121

Заключение. Таким образом, кадровая политика советской власти была направлена, в первую очередь, на закрытие вакантных мест советской номенклатуры. Также параллельно требовалось обеспечить надежными кадрами стратегически важные области экономики региона, закрыть вакантные места в социальной и промышленной сфере. Особое внимание уделялось подбору кадров для работы в правоохранительных органах, как на руководящих постах, так и на должности служащих. В 1939 г. советская власть пошла по пути замещения открытых вакансий выходцами из восточных областей БССР. В этой связи осенью–зимой 1939 г. наблюдался рост миграционного движения, связанный с прибытием восточников. В западнобелорусском регионе это привело к росту социальной напряженности, вызванному в том числе квартирным вопросом (нехваткой качественного жилья для прибывающих), сложностями в продовольственном обеспечении, в налаживании контактов с местными жителями и др.

Уже к 1940 г. стало понятно, что такая стратегия не в полной мере удовлетворяет кадровые запросы присоединенной территории – как в качественном отношении, так и в количественном. Поэтому советская власть пошла по пути более активного рекрутирования местного населения, проведения политики коренизации. Местные кадры подбирались с учетом национальной специфики регионов, проходили проверку на выявление связей с бывшей польской администрацией, наличие родственников за границей, степени лояльности советской власти. Такой комплекс мер позволил к 1941 г. значительно улучшить кадровую ситуацию в западных областях Беларуси, однако полностью удовлетворить кадровые запросы не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мярчук В.М. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Брэст, 2016. – 23 с.

2. Карпенкина Я.В. Советские граждане в Западной Белоруссии, 1939–1941 гг. // Вопросы истории. – 2018. – № 6. – С. 48–56.
3. Розенблат Е.С. Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах: оккупация – воссоединение – советизация // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / Учреждение Росс. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 42–61.
4. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 159. Л. 86.
5. ГАБО. – Ф. 7581п. Оп. 1. Д. 167. Л. 64.
6. ГАБО. – Ф. 7581п. Оп. 1. Д. 191. Л. 21.
7. ГАБО. – Ф. 7581п. Оп. 1. Д. 168. Л. 24.
8. Национальный архив Брестской области (НАРБ). – Ф. 4п. Оп.1. Д. 16922. Л. 89.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14617. Л. 147.
10. ГАБО. – Ф. 2п. Оп. 1. Д. 30. Л. 82.
11. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 28. Д. 91. Л. 197.
12. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 16. Д. 12. Л. 23.
13. ГАБО. – Ф. 7581 п. Оп. 1. Д. 165. Л. 202.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14950. Л. 127.
15. ГАБО. – Ф. 7581 п. Оп. 1. Д. 169. Л. 23.
16. ГАБО. – Ф. 282. Оп.1. Д.19. Л. 26.
17. ГАБО – Ф. 282. О.1 Д.1. Л. 102.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14697. Л. 410.

Поступила 01.12.2023

PERSONNEL POLICY OF THE SOVIET AUTHORITY IN THE WESTERN REGIONS OF BELARUS IN 1939–1941

A. MARDVILKA
(*Brest State A. S. Pushkin University*)

This article describes the personnel policy of the Soviet government in 1939–1941. in the western regions of Belarus. The goals, principles and directions of work of the Soviet government in the field of personnel provision have been identified. The mechanisms for recruiting the Soviet nomenklatura in the region are determined, attempts to reorganize the directions of personnel policy are traced. The factors that influenced the decision-making to change it towards indigenization have been identified. The quantitative and qualitative composition of easterners and local personnel is analyzed.

Keywords: *personnel policy, Western Belarus, easterners, promoters, staffing, labor migration.*